

МЕТАРЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО РАДИО (НА ПРИМЕРЕ КАНАЛА «ЭХО МОСКВЫ»)

В центре внимания – проблема аксиологического миромоделирования, рассмотренная через призму когнитивно-коммуникативных аспектов речевого поведения, в частности, ведущих информационно-аналитических радиопрограмм. Исследуются имплицитный уровень реализации дискурсивной идеологии, понимаемой как система ценностных презумпций и коммуникативных установок. На примере анализа метаязыковых и метаречевых рефлексивов делается вывод о специфике идеологических дискурсивных модусов.

Ключевые слова: миромоделирование, дискурсивная картина мира, дискурсивная идеология, речевое поведение, метаязыковые, метаречевые рефлексивы.

Рассматривая проблемы медиапсихологии, исследователи отмечают, что «современный журналистский текст опирается не на идеологию, а на ментальные структуры, базовые ценности и страхи массовидного человека» [1, с. 8]. Парадигмальные социокультурные изменения постсоветского общества обусловили новые институциональные признаки СМИ: децентрализованность, политическую и экономическую самостоятельность, отсутствие цензуры и т. д. Редукция идеологического звена в системе СМИ определила необходимость поиска новых информационных и маркетинговых форм существования. Можно констатировать, что политический и экономический контроль над СМИ не стал менее жестким, но существенно изменилась его природа – теперь это дискурсивный контроль, внутренний по отношению к функционированию канала, с позиции корпоративной аксиологии, коммуникативных установок, технологических и маркетинговых решений. Имплицитные формы осуществления дискурсивной идеологии позволяют воспринимать ее языковые и коммуникативные маркеры в качестве исследовательской базы для изучения «особых ментальных миров» (по Ю. С. Степанову) массмедиа – коммуникативно-когнитивных моделей взаимодействия с адресатом.

Попытка восстановления «идеологического звена» массовой коммуникации сопряжена с аспектным методологическим пониманием картины мира в ее функционально обусловленном варианте, специфика которого определяется коммуникацией автора и адресата на основе общности ментальных конструктов, оценочных интерпретационных моделей и форм речевого поведения.

Практически все авторы, работающие в проблематике языкового миромоделирования, говорят о влиянии языковой картины мира на поведе-

ние и мироопределение человека, однако в предметной сфере исследований эта идея достаточно нова. В то же время при междисциплинарном подходе к изучению когнитивных структур и коммуникативных моделей речевого (дискурсивного) поведения возможно ставить вопрос о пересечении «власти» языка и дискурса, об эффектах этого воздействия, проявляющихся в модусах восприятия и оценки событий. Эта систематически организованная, объективированная реальность, существующая в известной мере обособленно и вне человека, может рассматриваться не просто как активно воздействующая сущность, но и как самостоятельная энергия дискурса – его идеология.

Таким образом, дискурсивная картина мира в ее корреляции с выражаемой идеологией как системой разделяемых ценностей задает и поддерживает идентичность тех, кто объединен институционально, принадлежит к определенной культуре (политической, религиозной и т. д.), «позволяя тому или иному высказыванию быть сказанным и выглядеть органичным дискурсу» [2, с. 27].

Идеологический компонент дискурсивных картин мира в этом контексте рассуждений понимается как внутригрупповая самопрезентация, как способы не только моделирования, но и видения событий – через лингвориторические приемы, жанры, стратегии и тактики. В качестве актуализаторов рассматриваются метаязыковые и метаречевые рефлексивы – показатели интроспективной психологической реакции на собственное высказывание, коммуникативное поведение¹. И. Т. Вепрева считает, что процесс выбора слова представляет собой лишь один частный аспект речевой деятельности. Нерасчлененность же для обыденного сознания речевого средства с тем, для чего оно используется, позволяет считать метатекстовое высказывание ис-

¹ При широком понимании металогиически маркированных высказываний рассматривается функциональная нагрузка метаоператоров (речевые тактики говорящего и слушающего, метаорганизаторы высказывания – то, что упорядочивает композицию текста, связывает компоненты текста, отражает позицию автора при производстве текста (Шаймиев, 1996) [3].

следовательской базой для выявления мировоззренческих установок языковой личности [4, с. 59].

В центре внимания – особенности моделирования картины мира на уровне репрезентантов речевого поведения журналистов, акторов дискурса информационно-аналитического радио «Эхо Москвы»² («ЭМ»).

Как уже отмечалось, специфика речевой модели поведения определяется условиями создающего ее дискурса. Канал «ЭМ» в этой связи, как и любой канал СМИ, жестко структурирован собственной идеологией, форматной концепцией вещания.

Основные принципы идеологии массмедиа определяются воздействующей интенцией, устанавливающей когнитивные и коммуникативные параметры функционирования. Для жизнедеятельности дискурса СМИ сущностно то, как его будут воспринимать собственные агенты – трансляторы его смыслов и образов, станет ли ценностно-смысловое, жанрово-тематическое пространство радио, телевидения или печатного издания площадкой для выражения индивидуальности, креативно-языковых потенций, формирующих дискурсивную картину мира. Действительно, чтобы институт политики, экономики, СМИ был действенным, необходимы определенные матрицы или фигуры сознания людей, реализующих экономическое, политическое или массмедийное поведение.

Современные медиарайтеры, «уполномоченные дискурса», по выражению А. К. Михальской, «это люди, которые способны говорить публично, причем вполне самостоятельно и связно, используя речь как свой профессиональный инструмент и явно получая от этого известное удовольствие» [5, с. 11]. Еще одна грань в портрете современного журналиста увидена Г. Я. Солгаником: «...это свободно (нередко радикально) мыслящий человек, выступающий от собственного имени» [6, с. 50]. Каковы же границы этой «свободы», каково качество ее реализации в «рамочном пространстве дискурса» (по В. Е. Чернявской) [7], очерченном идеологическими презумпциями, идейно-тематической концепцией канала. На наш взгляд, ответы на эти вопросы органично связаны с анализом языковых и речевых маркеров психоэмоциональных интроспективных реакций ведущих эфира на собственную речь, коммуникативное поведение. Металогические высказывания, таким образом, позволяют снять имплицитный план дискурса, обозначить точки формирования «предзаданного мышления» (по М. Фуко) [8].

Эфир радиостанции «ЭМ», на наш взгляд, можно считать особым дискурсивным явлением по нескольким причинам. Во-первых, это многообразие и сложность жанров, отражающих полилогическую специфику коммуникации (функцию формирования общественного мнения радиоканал реализует с помощью открытых диспутов, переводящих конфликты в план дискуссий), во-вторых, это технологические решения канала (его мультимедийная и сетевая поддержка) и, в-третьих, содержательно-тематическое наполнение эфира (основу его контента составляют информационно-аналитические передачи, поднимающие острые социально значимые темы). Все это позволяет рассматривать радиоканал как аксиологическое пространство, с одной стороны, отражающее социокультурную динамику современного общества, а с другой – необходимо вырабатывающее собственные критерии, ценностные позиции видения и интерпретации действительности.

Наконец, в связи с указанной спецификой представляется возможным ввести еще одно дискурсивное измерение радио-СМИ: по принципу особого круга действующих лиц – акторов / агентов дискурса – журналистов, объединенных некими однородными правилами мышления и поведения – правилами дискурса. Особый угол зрения на обсуждаемые проблемы – это то, что определяет «уникальное торговое предложение» канала. Собственное мнение журналиста и выражаемая позиция обеспечивают ему ролевую многофункциональность: он может выступать как координатор (предоставляя слово участнику эфира – эксперту, компетентному лицу или известной публичной персоне), контролируя ход коммуникации, рефери (выстраивая взаимодействие участников с противоположными точками зрения), полноправный участник дискуссии, фокусирующий предмет обсуждения, высказывающий собственное мнение, и, наконец, транслятор корпоративных ценностно-смысловых установок.

Дескриптивно-оценочный план дискурса радио специфицируется аналитическим компонентом вещания, тематической центрацией на остро социальных вопросах и дискуссионной форме подачи. Форматная концепция «ЭМ» определяется задачей влияния и коррекции господствующих в обществе политических, философских, моральных убеждений, о чем, в частности, свидетельствуют высказывания главного редактора, которые с прагматично-гвистической точки зрения можно рассматривать

² Выбор подобного канала (в ряду каналов новостной и информационно-аналитической направленности ВВС, «Маяк», «Радио России», «Свобода») продиктован, с одной стороны, форматной установкой канала на аналитическое вещание и высокую плотность авторских программ, с другой – заметной персонологической компонентой вещания, часто радикальной позицией журналистов особенно в политическом сегменте дискурса.

как акт метадискурсивной оценки. Приведем пример: <«Эхо» специально усложняет язык, ситуацию, представляет радикальные точки зрения по всем позициям, показывая: дальше меня – стенка. А между радикальными точками зрения существует цивилизованная позиция. Человек слушает и думает: «Да, а вот это интересно: почему он так поступил». Думающих людей становится больше. Дело в том, что мы, сами того не замечая, перешли в информационное общество, когда количество информации таково, что нужно учиться ее не потреблять, а отсеивать...» <Поэтому сегодня СМИ превращаются в средство массовой коммуникации, когда люди с помощью знаний начинают общаться друг с другом. Причем не специально обученные, а обыватели>.

Столь же показательным представляется еще один пример косвенной метадискурсивной оценки, выраженной не с институциональной позиции, а персонологической, о чем свидетельствует неофициальный тон, свобода речевой манеры, что, как нам представляется, демонстрирует основную коммуникативную стратегию взаимодействия с адресатом: соединение остроты и серьезности проблематики с широтой стилистического диапазона. <...Нельзя ли сделать задержку сигнала, как на «Маяке», чтобы убрать мат, – спрашивает Олег> < Вот разница между нами и «Маяком» как раз в том, что мы не будем делать никаких задержек по звуку: как случилось, так оно и случилось, Олег. Вы знаете, когда у нас был Клинтон, как раз американские специалисты говорили (мы же тоже не знали, какие будут вопросы, а там как раз у него случилась Моника Левински): мы хотим прямой эфир, он придет к вам в прямой эфир, но нельзя ли сделать задержку на 7 секунд? Я говорю: нет. Они говорят: почему, это же технически так просто? Я говорю: мы не считаем это правильным. Вот как оно случилось, так оно и случилось. Вот такие они, наши слушатели. Мне сказали: ну ладно. А вы хотите быть круче американских пиарщиков американского президента. Цензура!» Не любим...» (А. Венедиктов).

По мнению А. А. Леонтьева, «наибольшей действительностью должны обладать тексты, авторы которых стремятся к предельно открытому самовыражению, к посвящению читателя или слушателя в проблемы, имеющие для него высокий личностный смысл» [9, с. 138]. В условиях необходимости управлять вниманием слушателя фактор персонализации радиодискурса особенно значим. Психологическое воздействие радиожурналиста определяется комплексом вербальных и невербальных факторов. «Оптимальность любого коммуникативного воздействия предполагает не только адекватное моделирование партнера или аудито-

рии, но и так называемую „самоподачу“, то есть сообщение аудитории информации, подталкивающей ее к формированию такого образа коммуникатора, который нужен для его целей» [9, с. 138].

Исследователи СМИ отмечают, что в условиях диалогической модели взаимодействия с информацией важна не столько презентация информационного продукта, сколько создание атмосферы его производства [10, с. 157]. Для «ЭМ» подобная задача решается через полифоническую форму трансляции – обсуждение актуальных проблем с журналистом – собеседником, советчиком, единомышленником, оппонентом. Можно привести показательные примеры актуализирования психологической потребности адресата воспринимать информацию с определенным журналистом – вопросы, заданные радиослушателями главному редактору:

– Вернется ли в «Утренний разворот» Плющев-Самсонова? – Николай, Вы знаете, Александр Плющев готовится к довольно большой и долгой заграничной поездке, оттуда вещать.

– А где Ганопольский? – Ганопольский будет через 2 недели с Таней Фельгенгауэр вести «Утренний разворот», когда он в Москве...

– Почему на «Эхе Москвы» не стало Плющева? – Плющев есть, но Саша Плющев сейчас перешел на работу в РИА «Новости»...

– Где Наргиз Асадова? Скучаю. Хочу знать...

В коммуникативном пространстве «ЭМ» актуальность личностного самовыражения журналиста становится тем эмоционально-когнитивным импульсом, который формирует дискурсивный код взаимодействия с информацией, обеспечивает ее значимость и ценность в системе дискурсивных компонентов. Такое проявление личностного начала, по мнению Н. С. Болотновой, представляет собой систему индивидуально-авторских регулятивов, свойственных дискурсу только данного автора [11, с. 169]. На этом основании можно предположить, что базовой коммуникативной стратегией дискурса становится персонифицированность – установка на восприятие информации (общественной проблематики) через думающую, оценивающую личность, чье мнение, речевая манера, ментально-когнитивный стиль становятся концептуальным каркасом дискурсивной идеологии, системой мер и оценок.

Экономические и политические условия функционирования массмедиа неизбежно определяют специфику проявления индивидуализированности в условиях дискурса, который, с одной стороны, наделяет собственного агента активностью деятеля, неким аксиологическим (фасадным) планом, с другой же стороны, устанавливает границы того, что и как должно быть сказано, т. е. субъект дискурса одновременно индивидуализирован и деиндивиду-

лизирован. Границы расхождения индивидуализированного и дискурсивно-«автоматизированного» определяют ту составляющую идеологии, которая может быть репрезентирована на уровне психологических автореакций на собственное высказывание или речевое поведение³.

Метаязыковые рефлексии в дискурсивном пространстве радио – стихии устной речи – ярко выражают себя в экспликации речевой свободы, раскованности, при которой позиция говорящего может рассматриваться как пространство поиска путей самовыражения, что в итоге эксплицируется в преобладании экспрессивных контекстов словоупотребления, в доминировании коннотативного компонента в слове над денотативным. В коммуникативном пространстве радио эта тенденция проявляет себя как сознательное переключение стилистического регистра, отход от литературной нормы в пользу разговорных конструкций. По нашим наблюдениям, именно этот параметр общения – установка на **разговорность** – в наибольшей степени эксплицирует металогические единицы.

Форматная установка канала на интеллектуально напряженную, но в то же время непринужденную речевую реализацию говорящего определяет когнитивно-коммуникативный базис дискурсивной поведенческой модели, актуализируемой такими маркерами, как эллиптированный, разговорный язык, отступление от книжной нормы, окказиональное словоупотребление, порою акцентированная косноязычность, доходящая до использования просторечных и жаргонных конструкций: *Я вам могу сказать, что я просто, ну, извините за такое непарламентское выражение, обалдел, когда сейчас столкнулся с тем, сколько стоит содержание детей* (эфир с С. Радзиховским); *То есть, это не более чем очередной повод сказать, что у нас есть свои амбиции и плевать нам на всех остальных* (эфир с Т. Фельгенгауэр); *...Если говорить о проектах, которые мы запускаем, «Дембельский альбом Владимира Путина», который завтра запускается в полном объеме, это история, связанная с успехом, который вызвал рейтинг «Сто женщин России». И когда мы поняли, что это успех, об этом рассказывали и пересказывали во всех салонах, перетирали во всех министерствах. Первый канал показал про это сюжет, НТВ показал сюжет* (эфир с А. Венедиктовым).

Актуализация индивидуальной манеры проявляется в выборе такой линии речевого поведения, при которой совершенно естественным для журналиста становится выдвижение **собственной позиции**, своего мнения и т. д. Л. Млечин: *У меня есть*

своя точка зрения, кто здесь виноват, но я не хочу, так сказать, выступать в роли прокурора; Знаете, прежде всего хотел сказать, что мне было очень не по себе, когда Ямадаеву и некоторым другим людям присваивали звание героя России. Потому что для меня это звание – какое-то высшее геройство. А когда его получают те люди, которые сначала стреляли в российских солдат, потом перешли на другую сторону, мне было не по себе (эфир с Л. Млечиным).

Н. Болтянская: Я прошу прощения за все свои огульные обвинения. Объясните мне, пожалуйста, почему Вы решили начать тогда с партийной системы, а, например, не с судебной системы?

Е. Альбац: Говорить мы сегодня будем о новом российском Средневековье – иначе я не могу идентифицировать ту кампанию мракобесия, которое после победы Путина 4 марта разливается по городам и весям. Кажется, что власть в ужасе от гражданских протестов, пытается придумать новые идеологемы, дать народонаселению образы врагов, на которых можно было бы переключить внимание людей.

Отмеченные варианты метаречевой рефлексии, связанной с выражением собственной индивидуальной манеры, также отражают установку на разговорность. В этом случае говорящего можно рассматривать как полифоническую структуру, в которой звучат отголоски таких речевых ролей, как собеседник, ведущий разговор в непринужденной интимизированной форме, оппонент с набором публицистических средств, аналитик и комментатор... Речь журналиста представляет собой сплав разных функциональных стилей, адаптация которых к условиям дискурса проходит под знаком толерантного отношения к элементам и структурам разговорного, позволяющего автору в том числе не ограничивать себя тематически. Например, при обсуждении темы культурной жизни общества (кинофильма «Краткий курс счастливой жизни») уместно актуализировать собственный опыт переживания, собственную жизненную модель (К. Ларина: *«Хочу уточнить: меня волнует не нравственность как таковая, а конкретика. С ужасом думаю, что через пару лет моя дочь-подросток выйдет на тропу поиска счастья тем же курсом. С подсадкой, в том числе, в позднее ночное время в незнакомые машины, прыжки в постель с незнакомыми мужчинами и т. д. и т. п. Это же прежде всего опасно для жизни. Вы бы хотели, чтобы ваши дочери, сестры, матери, а может быть, и бабушки или к счастью таким курсом?»*).

³ Под речевым поведением, вслед за Т. Винокур, понимается «манера использования языка как выражения коммуникативных потребностей и способностей личности, зависящей от социально-психологических установок говорящего коллектива» [12, с. 79]

Личностная позиция журналиста проявляется многообразно, на разных уровнях коммуникативного взаимодействия. Эффект непосредственного общения, даже исповедальной тональности возникает, когда журналист обращается напрямую к чувствам адресата, в частности, в речевом акте выражения жалобы, досады на ограничение своих возможностей: *Порой раздражает, когда ты хочешь сказать, что у тебя есть такое количество материала, ты приходишь и говоришь: «Дорогие друзья, я записал 2 мин 57 сек». А тебе говорят: «Привет! Не больше полутора минут»* (Е. Корзун).

Степень выражения индивидуальной манеры проявляется и на уровне интерпретации понятийного объема слова, что, как правило, выражается в его узуальной трактовке: *Ну, если говорить шире, вот, вообще, почему определенная часть российской политической элиты, если там можно вообще говорить о ее существовании – ну, я в данном случае термин «элита» использую условно – поддерживает идею военно-технического сотрудничества и ядерного сотрудничества с Ираном?* (С. Радзиховский).

Приведем еще один показательный пример переосмысления значения слова, включающего дополнительный коннотативный план: *...И мы решили сделать к уходу Владимира Путина с поста премьер-министра дембельский альбом его министров. И мы делаем вместе с РИА-Новостями, с «Московскими новостями» при поддержке Интерфакса. Совершенно потрясающий один рейтинг, он складывается из 4-х рейтингов сразу, хочу сказать. Первое – влияние, завтра мы опубликуем на сайте с 8 утра. Влияемость – это близость к людям, принимающим решения. Как министры влияли на премьера и президента. Грубо говоря, совсем упрощу...* (А. Венедиктов). Как можно заметить, маркеры разговорной тональности обеспечивают особый код взаимодействия с адресатом – сонастроенность, синхронизацию позиций: представитель институциональной среды «упрощает» свою речь, дабы быть услышанным на эмоциональной волне одобрения, притяжения непринужденного интимизированного общения, участниками которого могут стать как специалисты, «избранные», так и «простые люди»⁴.

Характерно, что в диалоге Е. Бунтмана с гостями студии – И. Землером и А. Венедиктовым – эта реплика о влияемости находит свое продолжение. На стимул *«и нашу соответственно реальность»* звучит реакция А. Венедиктова: *«Нет, влияние – это влияние на принятие решений*

президента и премьера». Провокативность политически заостренной беседы проявляется во фразе Е. Бунтмана с резюмирующим значением: *То есть, по всем показателям, это и близость к петербургской мэрии...* Подхват метареклексивного решения и закрепление «нового» значения следует в следующей реплике А. Венедиктова: *Да, да. Хотел сказать: к петербургской мафии. К петербургскому кругу. Тем людям, которые лоббировали свои решения через премьера и президента...*

Разговорность речи как общая коммуникативная установка проявляется и в таком варианте речевого поведения, как **отступление от точности изложения**. Нарушение канона журналистской деятельности – быть кореферентным ситуации – исходит из установки на приватную модель общения – лично-интимизированную тональность, когда статус факта событие получает не в результате анализа и верификации (сравнения с информацией из других источников, например), а в результате оценочных суждений о нем. Введение оценки в структуру рассуждения о событии выдвигает на первый план фактор эмоционального отношения. Подобная реализация речевой модели поведения при внешней видимой свободе личностного самовыражения не исключает внутреннюю жесткую заданность правилами дискурса. Фактор институциональности при взаимодействии коммуникантов проявляется как механизм, обеспечивающий якобы свободу рассуждения, непринужденность, при этом совершенно естественным становится предполагать, прогнозировать, сомневаться. Речевыми маркерами такой коммуникативной установки становятся фразы с модальностью неуверенности: *возможно, может быть, если я не ошибаюсь*. Приведем примеры: Н. Болтянская: Игорь Михайлович, объясните, пожалуйста, когда на рынок продвигают новый товар, первым делом ищут потенциальных потребителей. Вот на сегодняшний день потенциальные потребители демократии не так давно, если я не ошибаюсь, Левада центр проводил опрос и выяснил, что дееспособные мужчины, 35–40 лет, по-моему, которые имеют отношение к бизнесу и сами создают свое благополучие, очень даже имеют мысль в большом количестве взять и свалить отсюда к чертовой матери. Потому что не гарантирована безопасность, потому что считают, что высока коррупция, и потому, что не видят особых свобод.

Метаречевым актуализатором в данном случае выступает промиссив – коммуникативный акт просьбы объяснить, который в общей разговорной

⁴ О. И. Северская отмечает особую важность для радиокommunikации установки на душевное общение, «что полностью соответствует особенностям радио как самого „интимного“ средства массовой информации: говорящий должен обращаться к каждому как к единственному собеседнику как реальному или воображаемому» [13, с. 692].

тональности приобретает новое модальное значение: разъяснить, растолковать по-простому и «наглядно»... Не случайно в контексте появляется достаточно экстравагантная самооценка «непутевая», скорее это оговорка (контекстуально более соответствующим является «бестолковая»: объясните мне бестолковой...): Н. Болтянская: И так, мы продолжаем разговор. Напомню, в студии «Эхо Москвы» Игорь Бунин, президент, генеральный директор центра политических технологий. Мы разговариваем о необходимости демократизации, которая вроде бы как назрела сверху. Евгений Григорьевич, объясните мне, пожалуйста, непутевой. Вот Вы не раз и не два в наших программах говорили о том, что демократия суть институт. Существуют вот определенные признаки. И как бы сказать, все 8 лет, между прочим, у нас говорили о том, что у нас демократия. И все-таки сейчас назрела необходимость в том, чтобы эти институты преобразовать...

В следующем примере показательно редуцируется требование быть объективным при сообщении информации, излагать, а не предполагать. В этом случае подобное допущение оправдано установкой журналиста на непринужденную манеру общения, когда формула «о серьезном – просто» становится эмоциональным центром притяжения не столько к информации, сколько к речевой манере, способу подачи: *Есть, так сказать, версии, что Сулейман Ямадаев просто пал жертвой кровной мести. Причем не со стороны клана Кадыровых, а со стороны совсем других людей, с которыми он воевал – ближневосточных соседей той страны, где он был убит. Ну, в общем, масса всяких версий.*

Эффект информации «из первых рук» в подобной модели общения становится не актуальным. Скорее, можно предполагать, что подобная манера взаимодействия с информацией, непосредственным собеседником и адресатом находится под властью дискурсивно-идеологической установки на полемическую заостренность и свободу самовыражения. Безусловно, форматной презумпцией такого канала вещания, как «Эхо Москвы», является интеллектуализированность: непринужденность в оперировании фактами и оценками, высокий профессионализм. Интеллектуализм становится стилевой доминантой, сердцевиной дискурсивно-речевой модели, фактором привлечения внимания. Выраженность установок на разговорность, речевую свободу и интеллектуально напряженное взаимодействие специфицирует дискурсивную модель журналиста и определяет основные параметры аналитического радиожанра.

Дискурсивная спецификация роли журналиста проявляется в подчеркнутой установке на процесс

рассуждения даже в пределах фразы-вопроса. Допускается выражать сомнения, демонстрировать собственную неосведомленность, предполагать и прогнозировать – т. е. проявлять коммуникативную свободу по отношению к требованию информационной релевантности:

К. Ларина: *Наша тема сегодня: «Культура протеста: от толпы к обществу». Поскольку на следующей неделе 4 числа будет большая акция «За честные выборы». Мне хотелось на эту тему поговорить и спрогнозировать ситуацию, из чего состоит протестная толпа, толпа ли это вообще. Можно ли говорить, что у нас появились какие-то «зачатки», как вчера говорил Андрей Сергеевич Кончаловский, «зачатки гражданского общества». Есть ли здесь повод для оптимизма, и есть ли шанс каким-то образом изменить прежде всего атмосферу в нашей стране, а потом уже можно и конституцию.*

Подобный эффект течения беседы на основе предположительной модальности обеспечивается смысловой эллиптированностью – фразы журналиста могут строиться по принципу «понятно для посвященных», например: Л. Радзиховский: <... В данном случае это не просто амбиции, это вроде бы и нефть...> Интригующая в этом контексте фраза (*Но опять же, повторяю, что никто пока толком не объяснил, насколько я понимаю, экономично ее добывать или не экономично, при какой цене на нефть ее добывать экономично, при какой не экономично...*) маркирует осознание собственной позиции в информационном поле (*никто не объяснил*) и это снимает требование конкретности, определяет установку на выдвижение собственных версий, оценочно-повествовательную свободу. <... Так что это не совсем пустые амбиции как по поводу какой-нибудь Осетии, где уж точно ни нефти, ни льда нет. Это более осмысленные амбиции, но реализуются они, или так и останутся элементом дипломатического торга, сказать трудно...>

Таким образом, речевые и коммуникативные метарефлективы восстанавливают опорные точки дискурса, имплицитно обозначая его тематические и содержательно-аксиологические границы, указывая на когнитивные паттерны доступа, усваивания информации. Инвариантная коммуникативно-речевая модель информационно-аналитического дискурса, увиденная через призму металогических единиц, выявляет важные грани его идеологии, проявляющейся в вербально-коммуникативном коде: персонологическая подача информации, демонстрация *собственного* мнения журналиста, его языковой свободы. Все это позволяет нам говорить о коммуникативно-речевой модели журналистов-аналитиков «ЭМ» как о дискурсивной, проявляю-

щейся не ситуативно, в определенных участках взаимодействия автора и адресата, а имманентно присущей дискурсу, исходящей из его системных (маркетинговых, политических, социальных) свойств. С психологической стороны сложно верифицировать степень приятия идеологических презумпций журналистом: их ценностный статус может восприниматься с позиции внутреннего убеждения или внешнего давления. Имея в виду этот фактор психологической вовлеченности в дискурс, его ментально-эмоционального проживания, Фуко дает ему определение «тюрьмы человеческого сознания», феномена, который властвует над человеком и его восприятием настолько, что лишает его самостоятельности выбора [8, с. 20]. Анализ речевой дискурсивной практики в аспекте личностных моделей воплощения институциональных презумпций позволяет выделить две модели личностно-институционального сосуществования в границах дискурса и две методологические перспективы

изучения его когнитивно-коммуникативных основ. В первом случае это могут быть модели «созвучия», когда субъект выступает как социальный конструкт дискурса, объединяющий процессы самореференции и инореференции при наличии очень строгих специфических условий. Другое решение связано с попыткой выхода из «тюрьмы сознания». Представители философии диалога (диалогии) Бахтин, Бубер, Бердяев и др. – освобождение видят во встрече дискурсов: если собеседники принадлежат к разным дискурсивным сферам, то один из них может стать «мостом», по которому другой покидает свой дискурс. Методологическим же фокусом рассмотрения может стать подход, при котором эксплицируются ценностно-смысловые узлы дискурса, с одной стороны, идеологические точки его влияния, а с другой – репрезентанты дискурсивной картины мира, понимаемой как пересечение когнитивно-ценностных планов автора и адресата.

Список литературы

1. Пронин Е. И. Психологические проблемы современной журналистики // Проблемы медиапсихологии. Материалы секции «Медиапсихология» Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2000 году. Реалии и прогнозы развития». М.: МГУ, 2001. С. 8–20.
2. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Худож. журн., 1999. 236 с.
3. Шаймиев В. А. Об иллокутивных функциях метатекста, или Перечитывая А. Вежбицку... (на материале лингвистических текстов) // Русистика. СПб., 1999. С. 68–76.
4. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
5. Михальская А. К. О речевом поведении политиков // Независимая газета. 1999. № 227 (2043).
6. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 14–24.
7. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого поведения. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2006. 248 с.
8. Фуко М. Порядок дискурса. М.: Касталь, 1996. 96 с.
9. Леонтьев А. А. Психология воздействия массовой коммуникации // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 133–146.
10. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005. 240 с.
11. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: способы регулятивности в медиадискурсе публичной языковой личности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 161–171.
12. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
13. Северская О. И. Политика и язык радио // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 674–741.

Ермоленкина Л. И., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: arblar2004@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 02.09.2014.

L. I. Yermolenkina

SPEECH REALIZATION OF THE DISCOURSE IDEOLOGY OF A NEWS RADIO STATION (THE CASE OF "ECHO OF MOSCOW")

The focus of the article is on the question of the discourse picture of the world of modern radio (radio station "Echo of Moscow"). The paper considers the ideological level of its axiological modeling, which is understood as a system of communicative norms, genre and theme making, and axiological attitudes within the boundaries of discourse. Meta-logical units reflected in the system of meta-linguistic and meta-discursive speech acts of journalists (hosts of analytical programs) are described as an implicit form of discourse ideology.

The analysis revealed distinguishing features of the discursive communicative model of analytical segment of the radio: the synchronization of the author's and the addressee's positions is achieved through the communicative attitude of personal presentation of information (social issues).

The discourse picture of the world is created at the intersection of external ideology of mass media discourse and internal, axiological positions of discourse agents – journalists, radio presenters. As a result, the picture of the world is reflected in a unique communicative and speech model of discourse manifested in the effects of both institutional and personal impact on the recipient.

Key words: *modeling of the world, discourse picture of the world, discourse ideology, verbal behavior, meta-linguistic and meta-speech reflections.*

References

1. Pronin Ye. I. Psychological problems of modern journalism. Problem of media psychology. *Materials of section "Media psychology" of International scientific conference "Journalism in 2000. Realities and forecasts"*. Moscow, MGU Publ., 2001, pp. 8–20 (in Russian).
2. Zhizhek S. *The sublime object of ideology*. Moscow, Khudozhestvenny zhurnal Publ., 1999. 236 p. (in Russian).
3. Shaymiev V. A. On illocutionary function of meta-text, or rereading A. Vezhbitskaya (on the material of linguistic texts). *Russian Studies*. St. Petersburg, 1999. Pp. 68–76 (in Russian).
4. Veprva I. T. *The language reflection in the post-soviet era*. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, 384 p. (in Russian).
5. Mikhal'skaya A. K. About the verbal behavior of politicians. *The independent newspaper*, 1999, no. 227 (2043) (in Russian).
6. Solganik G. Ya. The modern journalistic picture of the world. *Journalism and information in modern society*. Moscow, 2000, pp. 14–24 (in Russian).
7. Chernyavskaya V. Ye. *Discourse of power and the power of discourse. The problems of verbal behavior*. Moscow, Knizhny dom Librokom Publ., 2006. 248 p. (in Russian).
8. Phuko M. *The method of discourse*. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 96 p. (in Russian).
9. Leont'ev A. A. Psychology of mass communication manipulation. *The language of the media*. Ed. by M. N. Volodina. Moscow, 2008. Pp. 133–146 (in Russian).
10. Mal'kovskaya I. A. *The sign of communication. The discourse matrices*. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 240 p. (in Russian).
11. Bolotnova N. S. Communicative stylistics of the text: regulativity methods in media discourse of a public language. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 3 (131), pp. 167–171 (in Russian).
12. Vinokur T. G. *The speaker and the hearer. Variants of verbal behavior*. Moscow, LKI Publ., 2007. 172 p. (in Russian).
13. Severskaya O. I. Politics and language of the radio. *The language of media and politics*. Moscow, MGU Publ., 2012. 952 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: arblar2004@rambler.ru